

МИГРАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ

MIGRATION AND POLITICAL TRANSFORMATIONS IN EUROPE

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-443-457

Научная статья / Research article

Миграция и новые аспекты правопопулистского дискурса в Европе

С.О. Бышок

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1
АНО «Международная организация по наблюдению за выборами “СIS-ЕМО”»
Российская Федерация, 109129, Москва, 8-я улица Текстильщиков, д. 11
sbyshok@gmail.com

Аннотация. Ускоряющиеся миграционные процессы в странах Запада нашли свое отражение в изменении дискурса правопопулистских, националистических партий Европы. Риторика данных политических сил помимо антииммигрантских мотивов стала демонстрировать новые элементы, связанные с темами «столкновения цивилизаций» (Хантингтон), а также и с цивилизационной солидарностью – идеями «цивилизационизма» (Брубейкер). В контексте глобальных трансформаций и изменения этнокультурного ландшафта континента акторы европейского национализма становятся менее склонны к традиционной для данной идеологии внутри-европейской вражде, но, напротив, имеют тенденцию риторически трансформировать, обычно расширяя, границы воображенного сообщества – «европейской крепости», которую необходимо защищать. Принципиальной дихотомией в новой идеологической конфигурации являются секулярное постхристианское общество («мы») и наделяемое чертами архаики и религиозного фундаментализма сообщество мигрантов из стран ислама («чужие»).

Ключевые слова: миграция, цивилизационизм, правый популизм, национализм, европейская политика, столкновение цивилизаций, ислам, секуляризм, крепость Европа, Брубейкер

История статьи: Поступила в редакцию 20.04.2020. Принята к публикации 10.05.2020.

Для цитирования: *Бышок С.О.* Миграция и новые аспекты правопопулистского дискурса в Европе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 443–457. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-443-457

© Бышок С.О., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Migration and Recent Aspects of Right-Wing Populist Discourse in Europe

Stanislav O. Byshok

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Autonomous non-profit organization “International election monitoring organization CIS-EMO”

11 Tekstilshchikov 8th St, Moscow, 109129, Russian Federation

sbyshok@gmail.com

Abstract. Intensifying migration processes in the West are reflected in certain changes in the discourse of European right-wing populist and nationalist parties. Along with anti-mass migration sentiments, rhetoric of these political forces demonstrates new elements related to the topics of “the clash of civilizations” (Huntington), as well as civilizational solidarity – the ideas of “civilizationism” (Brubaker). In the context of global transformations and changes in the ethno-cultural landscape of the continent, European nationalists became less prone to tradition for their ideology thesis of intra-European animosity. On the other hand, it tend to rhetorically transform, and usually extend, the boundaries of imagined community of “the European fortress”, which needs to be defended. Principal dichotomy of today’s European right-wing populist rhetoric is represented by the secular post-Christian community (“us”) and seemingly archaic and fundamentalist migrant community from Muslim countries (“the others”).

Keywords: migration, civilizationism, right-wing populism, nationalism, European politics, clash of civilizations, Islam, secularism, stronghold Europe, Brubaker

Article history: Submitted on 20.04.2020. Accepted on 10.05.2020.

For citation: Stanislav O. Byshok. Migration and Recent Aspects of Right-Wing Populist Discourse in Europe. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (3): 443–457. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-443-457

Введение

В последние годы правый популизм становится одним из ведущих политических трендов Запада [1]. Партии и политики данного направления получают существенную поддержку на выборах различного уровня, входят в состав или возглавляют национальные правительства в разных странах: от Венгрии до Италии и от Чехии до США. В академической литературе рассматриваются различные факторы успеха как конкретных политических сил, так и феномена правого популизма в целом.

Исследователи указывают на совокупность кризисных явлений в экономике западных стран («великая рецессия») и в миграционной сфере. Последнее обстоятельство связано с притоком в Европу значительного количества новых жителей из Ближнего Востока и Африки, интеграция которых становится все более проблематичной [2]. На эту картину накладывается «усталость» граждан от старых, истеблишментарных партий, чья политика больше не приносит удовлетворительных результатов, а мотивы порой кажутся

избирателям злонамеренными. Наметилась и тенденция изменения электоральной лояльности избирателей, в частности переход «синих воротничков», корневого электората левых, лейбористских партий к правым, националистическим силам [3].

Популизм не является элементом исключительно идеологий правого спектра. Подразумевается, что он «может “примирять” между собой идеологии как традиционных правых, так и левых» [4. С. 39]. Согласно классическому определению К. Мюнде, популизм представляет собой идеологию, видящую общество «принципиально разделенным на две гомогенные и противостоящие друг другу группы, – настоящий (чистый) народ и коррумпированные элиты» [5, р. 543]. Согласно популистским представлениям, всякая «настоящая», т.е. собственно популистская, политическая сила должна быть выражением общей воли народа (*volonté générale*). Мюнде подчеркивает отсутствие у популизма «своего» конкретного содержания в сравнении с «полноценными» правыми и левыми идеологиями [5, с. 543].

Националистический популизм и массовая миграция

Националистический популизм, согласно П.-А. Тагиеффу, подразумевает наличие двух базовых дихотомий: не только «вертикальной» – между народом и элитой, но и «горизонтальной», проходящей внутри одной страны по линиям наличия или отсутствия у жителей миграционного бэкграунда, «чужой» религиозности или «неприемлемых» политических взглядов [6].

В контексте дискуссий о подъеме популизма обычно принято говорить о правом его направлении, хотя и левый имеет определенную силу. Подтверждением этому является весьма ощутимый (греческая «Сириза») или относительный (испанский «Подemos») успех левого популизма на южноевропейской периферии или на демократических праймериз в США в 2016 и 2020 гг. (Б. Сандерс).

В экономическом плане, особенно когда речь идет о Европе, правые и левые политические силы в послевоенные годы весьма сблизились друг с другом. И те и другие в равной степени поддерживают социальное государство, т.е. базовый, хотя и достаточно обширный, набор обязательств страны перед гражданами, прежде всего малообеспеченными. Разница в том, что левые выступают за социальные гарантии «для всех», включая мигрантов, правые же склонны к тому, что называют «вэлфер-шовинизмом» (*welfare chauvinism*), т.е. поддержке социальных гарантий для «своих» [7]. По мнению Р. Водак, если правый популизм «позиционирует себя так, будто он служит интересам выдуманного (воображенного. – Прим. С.Б.) гомогенного народа *внутри* национального государства», то левые популисты «занимают интернациональную позицию, их взгляд направлен вовне, они делают акцент на многообразии и даже космополитизме» [4, с. 106].

Г.И. Вайнштейн в качестве фактора усиления популистских тенденций обозначает изменение мотивации партийно-политического выбора широких

слоев населения европейских стран. Помимо традиционных соображений социально-экономического характера все более серьезную, порой определяющую роль начинают играть мотивы социокультурного характера. «Недовольство граждан западных... стран процессами разрушения их культурно-цивилизационной идентичности все более отчетливо проецируется в политическую сферу», а «растущая культурно-цивилизационная неоднородность западного мира порождает в нем усиление тенденций возрастания влияния на политическую жизнь культурно-цивилизационных антагонизмов» [8, с. 79]. Последние дополняют – и в некоторых случаях замещают – противоречия социально-классового свойства.

До недавнего времени декларировавшаяся «политкорректным» истеблишментом уверенность в безальтернативности и одновременно априорной и не подлежащей сомнению благости политики мультикультурализма, пусть и с трудом реализуемой на практике, позволяет правым популистам успешно позиционировать себя как «единственных выразителей массовых озабоченностей, порождаемых новыми для западного общества антагонизмами культурного характера» [8, с. 79]. Учитывая сближение правых и левых в экономических вопросах, правые популисты артикулируют «массовые жалобы» в понятиях культуры, а не экономики, обращаются к «культурным тревогам» европейцев [8, с. 79].

Общим «знаменателем» антиистеблишментарной и популистской мобилизации масс также может рассматриваться их негативное, фобическое или враждебное отношение к процессам глобализации, воспринимаемой в контексте социально-экономического, культурно-цивилизационного и политико-институционального беспокойства. Обеспокоенность европейцев связана с осознанием или предчувствием того, что новое поколение континента впервые с послевоенного времени будет иметь более низкие жизненные стандарты, чем предыдущее. Ссылки «оптимистов глобализации» на то, что, согласно статистике, качество жизни людей в мировом масштабе продолжает расти, никак не успокаивают европейцев. Как отмечает И. Крастев, «современный популизм представляет не тех, кто теряет сегодня (*the losers of today*), но тех, кто, вполне вероятно, окажется среди проигравших уже завтра» [9, р. 81].

Другим фокусом общественного беспокойства являются демографические тренды в странах Запада: падение рождаемости собственно европейцев с одновременным массовым притоком инокультурных мигрантов, имеющих иные репродуктивные стереотипы. Таким образом, образ будущего выглядит угрожающим: не только новые поколения европейцев будут жить беднее своих родителей, но еще и их этнокультурное окружение будет все меньше напоминать традиционную Европу.

Р. Водак считает, что «ответы популистских правых партий [на вызовы современности] обращены в прошлое, к ностальгическим воспоминаниям, при этом они «цепляются» за шовинистические и традиционные ценности, пытаясь повернуть вспять колесо истории» [4, с. 340–341]. Действительно,

правый популизм во многом определяется апелляциями к некоему – реальному или сконструированному – периоду в национальной истории, который интерпретируется как момент расцвета собственной страны, точка национального единства и культурно-этнической гомогенности. Для националистов из западноевропейских стран этот исторический момент отождествляется с «золотым тридцатилетием» послевоенного бума, а для правых популистов из Центральной и Восточной Европы «золотым веком» может считаться межвоенный период или более удаленные и, следовательно, более мифологизированные времена.

Цивилизационизм как элемент правопопулистской риторики

Для обозначения нового языка националистического, правопопулистского тренда Р. Брубейкер вводит понятие «цивилизационизм» [10]. В цивилизационистском контексте традиционная для национализма и правого популизма оппозиция между «нами» и «ими» обозначается не только и не столько в узких национальных рамках, что было характерно для национализмов прошлого столетия, но в терминах цивилизации [11].

Согласно С. Хантингтону, в конце XX в. предложившему концепцию «столкновения цивилизаций», цивилизация – это культурная общность [12]. Автор, в свою очередь, опирается на учение А. Тойнби о 21 большой цивилизации [13]. О цивилизациях в начале XX в. писал О. Шпенглер [14], а до него, в середине XIX в., русский философ Н.Я. Данилевский описывал культурно-исторические типы [15]. Общим для цивилизационистского подхода XIX–XX вв. является представление о множественности цивилизаций и принципиальной гетерохронности их развития. Постулируется, что каждая из этих общностей должна пройти свой особый путь. Ситуации, когда на этом пути возникают препятствия в виде, как правило, других цивилизаций, интерпретируются как опасности, которых целесообразно избегать.

Отметим, что Ф. Фукуяма, обретший известность на рубеже 1980-х и 1990-х гг. благодаря выдвинутой им концепции «конца истории» [16], в последние годы значительно скорректировал свои взгляды, что в какой-то степени примирило его с Хантингтоном, его учителем и оппонентом. Сегодня Фукуяма пишет о принципиальном значении идентичности, включая идентичность культурную, как в международных отношениях, так и внутри отдельных становящихся все менее гомогенными западных и, шире, развитых государств [17].

Д. Пайпс относит к «цивилизационистским» практически все европейские партии, которые традиционно называют крайне правыми, националистическими и евроскептическими: Австрийскую партию свободы, бельгийский «Фламандский интерес», чешские «Акцию недовольных граждан» и «Свободу и прямую демократию», Датскую народную партию, Партию финнов, французское «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт»), «Альтернативу для Германии», венгерские «Фидес» и «Йоббик»,

итальянскую «Лигу», латвийский «Национальный альянс», нидерландские Партию свободы и «Демократический форум», норвежскую Партию прогресса, польское «Право и справедливость», «Шведских демократов» и Швейцарскую народную партию [18].

Сдвиг националистического дискурса на «цивилизационистские» позиции, согласно Р. Брубейкеру, случился в последние 15–20 лет и был связан с вопросом совместимости ислама с европейским образом жизни. Правые популисты стали концептуализировать ислам не только как демографическую проблему, связанную с миграцией носителей этой религии в страны Запада, но и как цивилизационную угрозу. «Цивилизационистская» политика в Европе, по Брубейкеру, началась с нидерландского политика П. Фортейна, открытого гея и бывшего марксиста, ставшего либертарным публичным интеллектуалом, открыто поднявшим вопрос об «опасности» ислама для Запада [10, р. 4–7]. Фортейн называл себя «Сэмюэлем Хантингтоном нидерландской политики», а в своих книгах, начиная с середины 1990-х гг., говорил о противостоянии и несовместимости гуманистической «иудеохристианской» культуры Европы и ислама. Так, его книга 1997 г. называлась «Против исламизации нашей культуры». Свободу сексуальных меньшинств Фортейн маркировал как одно из безусловных достижений нидерландской просвещенной культуры, на которую покушались, в том числе физически, другие меньшинства – мусульмане [10, р. 5].

В 2002 г. политик погиб от рук радикального политического активиста, а через два года в Нидерландах произошло еще одно политическое убийство – жертвой исламиста марокканского происхождения стал кинорежиссер Т. ван Гог, друг Фортейна и также критик ислама, известный по вызвавшему бурные дебаты фильму «Покорность». Картина раскрывала и осуждала практику насилия над женщинами, распространенную в ряде стран исламского мира.

Общественная деятельность и трагический уход из жизни Фортейна и ван Гога придали импульс новому политическому дискурсу, совмещающему резкую критику ислама, интерпретируемому как антиинтеллектуальная и репрессивная тоталитарная идеология наподобие коммунизма или нацизма, с подчеркнутым уважением к либеральным достижениям европейской «пост-иудеохристианской» культуры, предположительно находящейся под угрозой. Такой дискурс подхватил Г. Вилдерс, создатель и лидер нидерландской Партии свободы. В уместающемся на одной странице проекте предвыборной программы партии на 2017–2021 гг. первый же (из 11-ти) пункт гласит: «Деисламизация Нидерландов»¹. Далее в восьми подпунктах проясняется, что речь идет, в частности, о запрете иммиграции из мусульманских стран и необходимости экстрадиции тех мигрантов-мусульман, чей срок пребывания в стране истек или кто совершил какие-либо правонарушения. Также Партия свободы предлагала закрыть исламские школы и мечети, запретить Коран и

¹ [Wilders G.] Preliminary election program PVV 2017-2021 // Geert Wilders Weblog. 26.08.2016. URL: <https://www.geertwilders.nl/94-english/2007-preliminary-election-program-pvv-2017-2021> (accessed: 05.03.2020).

ношение сотрудниками государственных структур элементов исламской одежды, частично закрывающих лицо.

«Обычные люди чувствуют себя частью цивилизации, созданной их предками, – убежден Вилдерс. – Они не хотят, чтобы ее заменило мультикультурное общество, в котором ценности иммигрантов считаются настолько же хорошими, как и их собственные. Это не ксенофобия или исламофобия – считать, что наша западная культура превосходит другие культуры, – это обыкновенный здравый смысл» [4, с. 123]. Также политик указывает на то, что мигранты стремятся попасть из «третьего мира» в страны Запада, «чтобы найти лучшую жизнь, которую не могла обеспечить их собственная культура» [4, с. 122].

Для правых популистов христианство – это скорее не религия, но «секуляризированное христианство-как-культура» [19]. Если в дихотомии «мы – они» последние являются мусульманами, значит, «мы» должны быть христианами (в этом смысле можно говорить о правопопулистской «стратегии негативной идентичности») [20, с. 65], что вовсе не предполагает обязательного возвращения к собственно религиозной вере, с соблюдением обрядов и послушанием духовным авторитетам.

Христианство реинтерпретируется как символ принадлежности к нации и цивилизации. Приоритет правых популистов в этом направлении – требовать признания авторитета христианства-как-культуры при сохранении приверженности к секулярному характеру государства. Правые популисты в значительной степени «приватизировали» христианскую тематику, одновременно политизировав (или реполитизировав) религиозный и, прежде всего, христианский вопрос [21]. При этом справедливо указать на амбивалентное отношение христианских церквей к правому популизму и его отсылкам к христианству. Так, против популизма недвусмысленно высказался папа Франциск, поддержавший принятие Европой большего числа беженцев из Ближнего Востока и черной Африки. По его словам, такого отношения к мигрантам требует христианская заповедь любви к ближнему [21, с. 108].

Христианство и ислам как маркеры цивилизационной принадлежности

Популисты трактуют христианство как неотъемлемую часть европейских культур, ислам же – как религию, которая и исторически, и на современном этапе, не имея аналогов европейского Просвещения, «подминает» под себя культуру, стремясь заполнить собой все гуманитарное пространство исповедующих ислам народов и даже немусульманских народов, среди которых существуют мусульманские сообщества [10, р. 9–10].

Разница между христианством и исламом, согласно правым популистам, описывается теми же дихотомиями, которые использовал Э. Саид для обозначения взгляда западных «ориенталистов» на Восток [22]: христианство либерально – ислам антилиберален, христианство уважает индивидуализм – ислам

коллективистичен, христианство демократично – ислам тоталитарен, христианство современно – ислам архаичен и т.д. В рамках соответствующего дискурса секуляризм как ценность должен быть защищен как часть «нашей» христианской культуры. Секуляризм рожден из христианства посредством трансформации через гуманистическую философию. Поэтому, если «они» как мусульмане априори религиозны, то «мы» как христиане должны быть секулярны [10, р. 10].

Характерно, что критики правого популизма указывают на архаичность идей самих популистов, стремящихся, как считают оппоненты, вернуть общество в домодерный период [20]. Эта точка зрения представляется весьма проблематичной, поскольку национализм, будучи корневым элементом правого популизма, сам по себе является современной идеологией.

Ислам занимает существенное место в идеологии ряда европейских политических сил помимо нидерландской Партии свободы. Так, в предвыборном манифесте «Альтернативы для Германии» подчеркивается, что культура «функционирует как новая форма политического понимания»². Поскольку национальная идентичность «преимущественно формируется культурой и не может быть оставлена свободной игре различных сил», необходимо укреплять и защищать «связь между идентичностью и культурой». По мнению партии, «единство образования, культуры и идентичности имеет принципиально важное значение для развития общества»³.

Ислам, согласно манифесту «Альтернативы», «имеет напряженные отношения с нашей ценностной системой»⁴ и «не принадлежит Германии»⁵ (в этом выражении прослеживается заочная полемика с канцлером А. Меркель, утверждавшей прямо противоположное). В этой связи предлагается запретить иностранное финансирование мечетей⁶, не давать исламским организациям статуса государственных органов и запретить публичное ношение элементов женской одежды, полностью закрывающих фигуру и лицо (бурка и никаб)⁷.

В. Орбан, премьер-министр Венгрии и лидер партии «Фидес», призывает европейские нации «защищать христианские ценности от мигрантов» – «мусульманских захватчиков», а также обвиняет «космополитичное» руководство Евросоюза в навязывании «нового интернационализма» через поощрение миграции [23]. Конфликт между Орбаном и Брюсселем начался несколько раньше миграционного кризиса, в начале 2010-х гг., и касался конституции страны. Принятый с подачи «Фидеса» Основной закон Венгрии,

² [Alternative for Germany.] Manifesto for Germany: The political programme of the Alternative for Germany // AfD. 12.04.2017. P. 45. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-12_afd-grundsatzprogramm-englisch_web.pdf (accessed: 05.03.2020).

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 47.

⁵ Ibid. P. 48.

⁶ Ibid. P. 48–49.

⁷ Ibid. P. 49.

вступивший в силу 1 января 2012 г., начинается со слов «Боже, благослови венгров!». Констатируется, что народ Венгрии объединяют «Бог и христианство», а сама страна является неотъемлемой «частью христианской Европы» [24, с. 49]. Артикулированная рехристианизация Венгрии идет вразрез с трендами европейской интеграции, где упоминание христианской религии принципиально отсутствует на уровне уставных документов [25]. Очевидно, существует явный диссонанс между укорененностью представлений о христианстве у европейских народов и подчеркнута секулярным характером общеевропейского интеграционного проекта.

Совершенно иначе, чем националисты прошлого столетия, относятся современные «цивилизационисты» к «еврейскому вопросу». Так, в 2010 г. представители Австрийской партии свободы, бельгийского «Фламандского интереса», «Шведских демократов» и Немецкой партии свободы (сегодня уже не существующей политической силы, отколовшейся от истеблишментарного ХДС) посетили Израиль, в частности еврейские поселения на Западном берегу реки Иордан. Там европейцы подписали документ, известный как «Иерусалимская декларация» [26], в котором признавали право Израиля на существование и выражали поддержку борьбе, которую страна вела с «исламской агрессией» со стороны соседей-арабов.

Принятие документа зафиксировало момент перехода правопопулистских европейских сил от антисемитизма на позиции противостояния исламу, который, с их точки зрения, представляет угрозу европейским национальным культурам. Евреи, в известный исторический период воспринимавшиеся значимой частью европейцев, тем более националистов, как безусловно чужие по отношению к «нам», в настоящее время в контексте опасности, которую правые видят в исламе как религии и мусульманских мигрантах как носителях определенного набора «чужих» идей, реинтерпретируются как часть «нас». Евреи Израиля – и самой Европы – подвержены тем же опасностям, что и «мы». Палестино-израильское противостояние интерпретируется не в контексте характерного антисемитского дискурса о евреях как об «оккупантах» Палестины (в рамках этого дискурса европейские националисты-антисемиты в прошлом неожиданным образом смыкались с левыми «антиимпериалистами»), но как частный случай общего, происходящего и в Европе «столкновения цивилизаций». В рамках этого конфликта (пост-)христианские народы находятся по одну сторону цивилизационного фронта – и цивилизационного фронта – с (пост-)иудеями.

Антииммигрантская солидарность

Правопопулистские лидеры оказывают друг другу политическую и медийную поддержку, в частности в контексте выборов в Европарламент [1]. В этом контексте сомнительно, что рост «цивилизационного» национализма в Европе рискует вернуть континент к эпохе конкурирующих и откровенно враждебных

друг другу национальных государств. Слишком изменился и глобализировался современный мир. Скорее, как пишет Д. Карцев, сегодня в правопопулистском идейном пространстве мы наблюдаем «попытку создать более гомогенный наднациональный союз, в котором трудноуловимая культурная близость важнее, чем формальные политические и институциональные атрибуты» [27]. Националисты, объединившись, собираются защитить от внешних и внутренних угроз «традиционное национальное государство – Европейскую Крепость» [4, с. 340]. Новый национализм – не экспансионистский, он обороняющийся, прежде всего, от инокультурных мигрантов.

У новых правых в значительной степени исчезла старая внутриевропейская вражда. «Французские националисты не говорят, что немцы плохи; немецкие – что плохи англичане; для англичан испанцы не враги, – замечает А. Баунов. – Наоборот, пробуждая националистические чувства, они хвалят давних соседей по старой Европе, ведь у них с ними общий враг: мигранты и безродная бюрократия в Брюсселе» [28]. Brexit был воспринят континентальными националистами как пример возвращения национального суверенитета и победы над «брюссельской бюрократией» Евросоюза. ЕС в риторике правых популистов представляется как политический проект, отрицающий национальные культуры европейских народов и подменяющий их универсалистской, принципиально арелигиозной (если не антирелигиозной) доктриной [29].

Принципиальная черта новых правых – мозаичность их программ, в известной мере предполагающая отказ от ряда положений правой повестки XX в. или даже выход за рамки традиционной право-левой дихотомии. Правые популисты могут быть за то, «чтобы ужесточить наказание за насилие в отношении евреев и ЛГБТ, за то, чтобы убрать кофешопы на километр от школ, но за отмену запрета на курение в барах, за защиту животных и за то, чтобы построить больше АЭС, угольных станций и не зависеть от импорта нефти, вернуться к гульдену, закрыть мусульманские школы, ввести налог на хиджаб, объявлять национальность преступников, поддержать буров в Южной Африке, остаться в НАТО, но убрать оттуда Турцию, – отмечает А. Баунов. – Против прав национальных и чужих религиозных меньшинств, но за права сексуальных, в том числе на брак, права женщин, в том числе на аборт, и за любые формы современной культуры» [28]. Правопопулистский дискурс сегодня представляет собой набор «синтетических концепций, где либеральная демократия и традиционализм... сплетены в новых причудливых сочетаниях» [30, с. 113].

И. Крастев в этой связи подчеркивает, что ключевой особенностью многих правопопулистских партий является «не национал-консервативная направленность, но – реакционность» [9, р. 15]. П. де Ореланна и Н. Михельсен говорят о возникшем на наших глазах «реакционном интернационализме» [31].

В странах Европы существуют и сосуществуют разные национализмы – как классический, связанный с территорией, так и «цивилизационистский». Две тенденции переплетаются различным образом. Так, скажем, в современном украинском национализме «цивилизационный» компонент, связанный с

ориентацией на европейские культурные и политические формы, совмещается с мотивами национально-освободительной борьбы против России, где последняя интерпретируется не только как национальный враг украинского этноса, но и принципиальная опасность для европейской культуры – куда включают украинскую и исключают русскую – как таковую [32]. Вместе с тем правопопулистские партии стран Евросоюза по-разному трактуют Россию. Есть тенденция воспринимать Россию в фобическом контексте, как непредсказуемого и опасного соседа с иной политической традицией и антидемократическими инстинктами. Вместе с тем есть и тренд, как минимум не менее сильный, на интерпретацию России как «другой» Европы, во многих отношениях более близкой к той исторической, традиционной, «нормативной» Европе, которую националисты хотели бы «снова сделать великой» [33; 34].

Заключение

Цивилизационизм – это не альтернатива национализму, но новый способ говорить о нации, новый подход к интеллектуализации «воображенного общества» (Б. Андерсон) [35] и проведению символических границ внутри и между социокультурными общностями (Ф. Барт) [36], получивший актуальность в контексте массовой инокультурной миграции в страны Европы. Если, согласно ставшему классическим определению Э. Геллнера, национализм – это «прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» [37], то для сегодняшних правых популистов национальная единица мыслится в более широком контексте общеевропейского культурного и (пост)религиозного поля – европейской цивилизации в ее гуманистическом и модерном изводе.

Не только христианство, но и иудаизм и атеизм становятся символическими маркерами, отделяющими европейских «нас» от неевропейских «иных», преимущественно мигрантов из стран исламской культуры. Для этого разделения также принципиален и негативный критерий: «мы», согласно «цивилизационистскому» подходу правых популистов, не можем быть мусульманами, а наша религиозность должна иметь принципиально секулярный, просвещенный характер и быть одним из элементов нашей культурной идентичности, но никак не наоборот. В условиях существенного сближения повесток правых и левых политических сил в экономических вопросах принципиальным элементом публичных идейных дискуссий становятся мировоззренческие проблемы, касающиеся гуманитарных аспектов жизни гражданина и общества. Битва за культуру – «правый грамшизм» – становится для правых популистов главным направлением борьбы за секулярную нацию, а постулируемая принадлежность европейских наций к единой «пост-иудеохристианской» цивилизации мыслится залогом дальнейшего мирного сосуществования наций-государств Европы при эвентуальном приходе к власти новых националистов.

Библиографический список

- [1] Бышок С.О. Перспективы правых популистов в новом составе Европарламента (2019–2024) // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 1 (11). С. 140–153.
- [2] Dennison J., Geddes A. A Rising Tide? The Salience of Immigration and the Rise of Anti-Immigration Political Parties in Western Europe // *The Political Quarterly*. 2019. Vol. 90. Issue 1. P. 107–116. URL: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12620>. Accessed: 05.03.2020.
- [3] Lehne S., Grabbe H. European Parliament elections will change the EU's political dynamics // *Carnegie-Europe*. 11.12.2018. URL: <https://carnegieeurope.eu/2018/12/11/2019-european-parliament-elections-will-change-eu-s-political-dynamics-pub-77922>. Accessed: 05.03.2020.
- [4] Водак Р. Политика страха. Что значит курс правых популистов? Харьков: Гуманитарный центр, 2018. 402 с.
- [5] Mudde C. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. № 39 (4). P. 541–563.
- [6] Taguieff P.-A. Political science confronts populism: from a conceptual mirage to a real problem // *Telos*. 1995. № 103. P. 9–43.
- [7] Keskinen S., Norocel O.C., Jørgensen M.B. The politics and policies of welfare chauvinism under the economic crisis // *Critical Social Policy*. 2016. Vol. 36. Issue 3. P. 321–329. URL: <https://doi.org/10.1177/0261018315624168>. Accessed: 05.03.2020.
- [8] Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // *Политическое исследование*. 2017. № 4. С. 69–89.
- [9] Krastev I. *After Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2017. 120 p.
- [10] Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40. Issue 8. P. 1191–1226. URL: <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1294700>. Accessed: 06.03.2020.
- [11] Бышок С.О. Мотив столкновения цивилизаций в дискурсе правых популистов ЕС // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 4. С. 745–754. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-745-754.
- [12] Huntington S. The clash of civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993. № 72. P. 22–49.
- [13] Kumar K. The return of civilization – and of Arnold Toynbee? // *Comparative Studies in Society and History*. 2014. Vol. 56. Issue 4. P. 815–843.
- [14] Шпенглер О. *Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории*. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. 1085 с.
- [15] Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. М.: Институт русской цивилизации, *Благословение*, 2011. 816 с.
- [16] Fukuyama F. The end of history? // *The National Interest*. 1989. № 16. P. 3–18.
- [17] Fukuyama F. *Identity: the demand for dignity and the politics of resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 240 p.
- [18] Pipes D. Europe's civilizationist parties // *Middle East Forum*. 31.10.2018. URL: <https://www.meforum.org/7602/europe-civilizationist-parties>. Accessed: 05.03.2020.
- [19] Mouritsen P. The particular universalism of a Nordic civic nation: Common values, state religion and Islam in Danish political culture // *Modood T., Triandafyllidou A., Zapata-Barrero R. (eds.). Multiculturalism, Muslims and citizenship: A European approach*. London: Routledge, 2006. P. 70–93.
- [20] Харкевич М., Музалевский В., Осколков П. Архаика и современный правый популизм в Европе // *Современная Европа*. 2018. № 1. С. 59–68.
- [21] Лункин Р. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях // *Современная Европа*. 2018. № 1. С. 102–113.
- [22] Said E. *Orientalism*. London: Penguin, 2003. 396 p.
- [23] Бавырин Д. Почему Венгрия стала главным крестоносцем Европы // *Взгляд*. 12.02.2019. URL: <https://vz.ru/world/2019/2/12/963726.html>. Дата обращения: 05.03.2020.

- [24] *Стенькин Д.С.* Об основном законе Венгрии 2011 г. // *Российское право: Образование, практика, наука*. 2016. № 1 (91). С. 47–49.
- [25] *Андреева Л., Смирнов М., Щербаков В.* Процесс дехристианизации в Европейском союзе // *Современная Европа*. 2018. № 5. С. 120–130.
- [26] *Shroufi O.* The Gates of Jerusalem: European revisionism and the populist radical Right // *Race & Class*. 2015. Vol. 57. Issue 2. P. 24–42. URL: <https://doi.org/10.1177/0306396815595799>. Accessed: 05.03.2020.
- [27] *Карцев Д.* Правая колонна. Почему Меркель приходится уступать собственным министрам // *Московский центр Карнеги*. 04.07.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/76736>. Дата обращения: 05.03.2020.
- [28] *Баунов А.* Трамп в контексте. Почему выигрывают новые правые // *Московский центр Карнеги*. 20.01.2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/67741>. Дата обращения: 05.03.2020.
- [29] *Алонци Р.* Политическая идентичность ЕС: новые парадигмы и старые проблемы // *Современная Европа*. 2018. № 6. С. 142–151.
- [30] *Лункин Р., Филатов С.* Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // *Современная Европа*. 2018. № 3. С. 102–114.
- [31] *De Orleana P., Michelsen N.* Reactionary internationalism: the philosophy of the New Right // *Review of International Studies*. 2019. Vol. 45. Issue 5. P. 748–767. URL: <https://doi.org/10.1017/S0260210519000159>. Accessed: 05.03.2020.
- [32] *Бышок С.О.* Радикальный украинский национализм и правый поворот в Европе // *Вопросы национализма*. 2018. № 1 (31). С. 79–85.
- [33] *Бышок С.О.* Русские в риторике правых популистских партий Западной Европы // *Вестник российской нации*. 2018. № 2. С. 210–223.
- [34] *Бышок С.О.* Цивилизационная идентичность России: взгляд правых евроскептиков ЕС // *Вестник российской нации*. 2018. № 4. С. 227–240.
- [35] *Anderson B.* *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York: Verso, 1991. 224 p.
- [36] *Barth F.* (ed.). *Ethnic groups and boundaries*. Little, Brown and Company, Boston, USA, 1969. 153 p.
- [37] *Gellner E.* *Nations and nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 150 p.

References

- [1] Byshok S.O. Prospects of right-wing populists in the European Parliament (2019–2024). *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 2019; 1 (11): 140–153 (In Russ.).
- [2] Dennison J., Geddes A. A Rising Tide? The Salience of Immigration and the Rise of Anti-Immigration Political Parties in Western Europe. *The Political Quarterly*. 2019; 90 (1): 107–116. URL: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12620>. Accessed: 05.03.2020.
- [3] Lehne S., Grabbe H. 2019 European Parliament elections will change the EU's political dynamics // *Carnegie-Europe*. 11.12.2018. Available from: <https://carnegieeurope.eu/2018/12/11/2019-european-parliament-elections-will-change-eu-s-political-dynamics-pub-77922>. Accessed: 05.03.2020.
- [4] Wodak R. *The politics of fear: what right-wing populist discourses mean*. Los Angeles: Sage; 2015. 238 p.
- [5] Mudde C. The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 2004; 39 (4): 541–563.
- [6] Taguieff P.-A. Political science confronts populism: from a conceptual mirage to a real problem. *Telos*. 1995; 103: 9–43.
- [7] Keskinen S., Norocel O.C., Jørgensen M.B. The politics and policies of welfare chauvinism under the economic crisis. *Critical Social Policy*. 2016; 36 (3): 321–329. Available from: <https://doi.org/10.1177/0261018315624168>. Accessed: 05.03.2020
- [8] Vajnshtejn G.I. Contemporary populism as an object of political science analysis. *Polis. Political Studies*. 2017; 4: 69–89 (In Russ.).

- [9] Krastev I. *After Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 2017. 120 p.
- [10] Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective. *Ethnic and Racial Studies*. 2017; 40 (8): 1191–1226. Available from: URL: <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1294700>. Accessed: 06.03.2020.
- [11] Byshok S.O. “Clash of civilizations” concept in the EU right-wing populists’ discourse. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*. 2019; 21 (4): 745–754. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-745-754 (In Russ.).
- [12] Huntington S. The clash of civilizations? *Foreign Affairs*. 1993; 72: 22–49.
- [13] Kumar K. The return of civilization – and of Arnold Toynbee? *Comparative Studies in Society and History*. 2014; 56 (4): 815–843.
- [14] Spengler O. *Der Untergang Des Abendlandes*. Köln: Anaconda; 2017.
- [15] Danilevskij N.Ja. *Russia and Europe*. Moscow: Institut russkoj civilizacii, Blagoslovenie; 2011. 816 p. (In Russ.).
- [16] Fukuyama F. The end of history? *The National Interest*. 1989; 16: 3–18.
- [17] Fukuyama F. *Identity: the demand for dignity and the politics of resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux; 2018. 240 p.
- [18] Pipes D. Europe’s civilizationist parties. *Middle East Forum*. 31.10.2018. URL: <https://www.meforum.org/7602/europe-civilizationist-parties>. Accessed: 05.03.2020.
- [19] Mouritsen P. The particular universalism of a Nordic civic nation: Common values, state religion and Islam in Danish political culture. In: Modood T., Triandafyllidou A., Zapata-Barrero R. (eds.). *Multiculturalism, Muslims and citizenship: A European approach*. London: Routledge; 2006. P. 70–93.
- [20] Kharkevich M., Muzalevskij V., Oskolkov P. Archaicism and contemporary right-wing populism in Europe. *Sovremennaja Evropa*. 2018; 1: 59–68 (In Russ.).
- [21] Lunkin R. Religion and European populism: a Christian factor in political debates. *Sovremennaja Evropa*. 2018; 1: 102–113 (In Russ.).
- [22] Said E. *Orientalism*. London: Penguin; 2003. 396 p.
- [23] Bavyrin D. Why Hungary became the main crusader of Europe. *Vzgljad*. 12.02.2019. URL: <https://vz.ru/world/2019/2/12/963726.html>. Accessed: 05.03.2020 (In Russ.).
- [24] Sten’kin D.S. On the 2011 Hungarian Constitution. *Rossijskoe pravo: Obrazovanie, praktika, nauka*. 2016; 1 (91): 47–49 (In Russ.).
- [25] Andreeva L., Smirnov M., Shherbakov V. De-Christianization process in the EU. *Sovremennaja Evropa*. 2018; 5: 120–130 (In Russ.).
- [26] Shroufi O. The Gates of Jerusalem: European revisionism and the populist radical Right. *Race & Class*. 2015; 57 (2): 24–42. URL: <https://doi.org/10.1177/0306396815595799>. Accessed: 05.03.2020.
- [27] Kartsev D. The right column. Why Merkel has to yield to her own ministers. *Moskovskij centr Karnegi*. 04.07.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/76736>. Accessed: 05.03.2020 (In Russ.).
- [28] Baunov A. Trump in the context. Why the new right win. *Moskovskij centr Karnegi*. 20.01.2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/67741>. Accessed: 05.03.2020 (In Russ.).
- [29] Alonzi R. Political identity of the EU: new paradigms and old challenges. *Sovremennaja Evropa*. 2018; 6: 142–151 (In Russ.).
- [30] Lunkin R., Filatov S. Inter-confessional differences in Europe and the new ideological confrontations. *Sovremennaja Evropa*. 2018; 3: 102–114 (In Russ.).
- [31] De Orleana P., Michelsen N. Reactionary internationalism: the philosophy of the New Right. *Review of International Studies*. 2019; 45 (5): 748–767. URL: <https://doi.org/10.1017/S0260210519000159>. Accessed: 05.03.2020.
- [32] Byshok S.O. Radical Ukrainian nationalism and the right turn in Europe. *Voprosy nacionalizma*. 2018; 1 (31): 79–85 (In Russ.).

- [33] Byshok S.O. The Russians in the rhetoric of right-wing populist parties in Europe. *Vestnik rossijskoj nacii*. 2018; 2: 210–223 (In Russ.).
- [34] Byshok S.O. Russia's civilizational identity: the view of EU right-wing Eurosceptics. *Vestnik rossijskoj nacii*. 2018; 4: 227–240 (In Russ.).
- [35] Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London; New York: Verso; 1991. 224 p.
- [36] Barth F. (ed.). *Ethnic groups and boundaries*. Little, Brown and Company, Boston, USA; 1969. 153 p.
- [37] Gellner E. *Nations and nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983; 150 p.

Информация об авторе:

Бышок Станислав Олегович – соискатель ученой степени кандидата политических наук в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, исполнительный директор Автономной некоммерческой организации «Международная организация по наблюдению за выборами “CIS-EMO”» (ORCID ID: 0000-0002-2441-4975) (e-mail: sbyshok@gmail.com).

Information about the author:

Stanislav O. Byshok – PhD Candidate in Political Science, Lomonosov Moscow State University, CEO at the Autonomous non-profit organization “International election monitoring organization CIS-EMO” (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-2441-4975) (e-mail: sbyshok@gmail.com).